

7. Крутько Т. В. Англоговна реклама у віртуальному просторі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т. В. Крутько – Харків, 2006. – 20 с.
8. Шейгал Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен / Е. И. Шейгал // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, Архангельск : Перемена, 1996. С. 204–211.

УДК 821.10/01

Карпенко У.А.
(Киев, Украина)

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ, ВОСХОДЯЩИЕ К ПЕРВОКОРНЯМ

У статті вивчається розвиток коренів, що позначають назви тварин, розглядається поняття першокореня, трансляція його смислу та трансформація значень.

Ключові слова: *смысл, значения, этимология, першокорінь.*

В статье прослеживается развитие корней, обозначающих названия некоторых животных, рассматривается понятие первокорня, трансляция заложенного в нём смысла и трансформация значений.

Ключевые слова: *смысл, значение, этимология, первокорень.*

The article deals with the development of the roots, indicating some animals, the concept of the primary root, translation of its sense and transformation of its meanings.

Key words: *sense, meaning, etymology, primary root.*

Испокон веков животные жили рядом с человеком. В глубокой древности, когда человек становился человеком и формировал свой язык, он дал название всему, что выделил из окружающего хаоса впечатлений. Одной из лексико-семантических групп, в которую входят слова с наиболее древними корнями, первокорнями, является смысловая группа названий животных. Многие из нас любят животных, интересуются их жизнью и поведением, многие держат дома собаку или рыбок. Однако задумывались ли мы, какое впечатление наш полосатый друг произвёл на древнего человека, который дал ему название?

Постараемся предпринять этимологическую разведку названий некоторых знакомых нам грозных и милых живых существ.

Акула – заимствовано в XVIII веке из норвежского или исландского языка. Первоначальное исландское, норвежское *hassal* было переоформлено в *аккула* (а затем в *акула*), вероятно, под влиянием слова *рыба* [6, с. 25]. В современном русском языке слово *акула* не воспринимается как иностранное. В Большом словаре иностранных слов А. Н. Булыко оно даётся с пометой происхождения от древнорвежского *håkall* [1, с. 25] и не фиксируется в Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина [2].

В языках, в которых не было заимствовано иностранное слово, название этой хищной рыбы было образовано по аналогии с известными человеку существами: рыба-собака (в итальянском – pesceseape, в турецком – korek balığı). В этих языках название акулы терминологизировалось и при прозрачности внутренней формы не разлагается на компоненты, о чём свидетельствует слитное написание в итальянском pesceseape (pescese – рыба + sape – собака). Аналогичный ментальный процесс демонстрирует включение двух основ в конструкцию изафета в турецком (korek – собака + balık – рыба с аффиксом –ı). В арабском языке акула называется морской собакой /kalbu al bahri/ (kalb – собака, bahr – море). Грамматическая конструкция изафты аналогична изафету. Отметим, что при вторичной номинации подобный процесс прослеживается и в сознании носителей русского языка, например, при слове летучая мышь никто не представит мышь обыкновенную, только с крыльями. При произнесении названия летучая мышь в сознании носителей языка возникает чёткий образ соответствующего существа. Так, в частности, для носителей итальянского языка, в котором это животное обозначается словом pipistrello, буквальный перевод сочетания летучая мышь, звучит странно и вызывает в сознании образ диковинного существа. Аналогичный процесс происходит в сознании носителей русского языка при восприятии словосочетания летучая собака, которым для русских туристов на Шри-Ланке называют волосатое существо, размером с котёнка подростка, которое летает в сумерках, а также в светлое время суток под дождём.

Для народов, на территории проживания которых отсутствует та или иная реалья, предстают такие пути её осознания как заимствование и освоение иностранного слова либо осуществление собственной номинации, адаптирующей неизвестное через известное. Так произошла номинация акулы как рыба-собака. Слова рыба и собака, как реалии известные, являются исконными в разных языках. Обратимся к их анализу.

Рыба – общеславянское, имеющее соответствия в германских языках (ср. в древневерхненемецком gîrre – гусеница, червяк). Вероятно, рыба по происхождению является словом-табу, заменившим исконное *zъвь – ‘рыба’ корень которого отмечается в литовском žuvis – рыба, и сохранился в слове русского языка звено [6, с. 396]. Табуирование именованя рыбы представляется возможным в контексте мифологических представлений о данном существе как перевозчике из мира живых в мир мёртвых (о данной функции рыбы пишет, в частности, В. Я. Пропп).

Одной из этимологических версий происхождения слова «звено» является указанный корень *zъвь – рыба, первоначальным значением которого было часть рыбы, затем – часть цепи, кольцо [6, с. 160; 5, с. 158].

В английском языке слово fish – рыба произошло от староанглийского fisc, которое соотносится с древнесеверным fiskr, готским fiscs, русским piskar, латинским piscis [8, с. 581]. Н. М. Шанский считает сближение с русским ‘пескарь’ малоубедительным [6, с. 336].

В современном итальянском языке слово pesce – рыба происходит от латинского piscis, которое, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню *pī-. Данный корень интерпретируется либо как сходный с тем, что в глаголе «пить» и указывает на связь с водой, либо интерпретируется как ономапопеический [9, с. 748].

Итальянское слово cane (собака) происходит от латинского canis, от индоевропейского kwen, к которому также восходят греческое kúon, немецкое Hund.

Плиний утверждает, что Канарские острова были так названы в связи с тем, что там жило большое количество собак. В современном итальянском языке ползучая роза для изгороди называется *gosa canina*, поскольку её корни считались средством от собачьего бешенства [9, с. 180].

В английском языке этот же корень прослеживается в слове *hound* - охотничья собака, которое восходит к древнеанглийскому *hund*, соотносимым с древневерхнемецким *hunt*, древнесеверным *hundr*, готским *hunds* [8, с. 753]. Немецкому *Hund* соответствует русское слово «сука». Являясь общеславянским, оно образовано при помощи суффикса *-ka* от того же корня, что и латышское *suns* – собака, армянское *šun*, латинское *canis*, немецкое *Hund*, древнепрussкое *sunis*, готское *hunds* с тождественным значением [4, т. 3, с. 798; 6, с. 431].

В современном испанском языке используется слово *perro* (собака), вошедшее в употребление в эпоху средневековья как плебейское, противопоставленное благородному *can*, последний корень восходит к латинскому *canis*, индоевропейскому *kwen* [7, с. 104]. Слово *perro* имеет ономастическое происхождение от *prgr*, *brgr* [7, с. 427]. Отметим, что Н.М.Шанский указывает на влияние того же звукоподражания подзыва животных (барбар) в статье о происхождении слова баран [6, с. 36].

Согласно мнению некоторых учёных, в русском языке слово собака является древним заимствованием из иранского, вероятно, из языка скифов. Ему соответствует авестийское и мидийское *sraka* [6, с. 419]. О проблематичности данной версии рассуждает О. Н. Трубочёв в своём труде 'Из славяно-иранских лексических отношений'.

Для обозначения данного животного в русском языке также используется слово пёс, которое является древнеславянским, произошедшим из праславянского **рьсь*. Нет единого мнения по поводу его исходного значения. Возможно, оно обозначало 'сторож' и, таким образом, было связано с латинским *specio* «смотреть», авестийским *sraueiti* «наблюдает» и славянским пасти. О славянском «пасти» О. Н. Трубочёв в труде 'Из славяно-иранских лексических отношений' отмечает, что «... из всех древних детерминированных вариантов индоевропейской основы 'охранять, пасти' **pās-*, **pāsk-*, **pā-*, **pāy-* славянский достоверно знал только основу **pas-*», о которой пишет В. В. Иванов [3, с. 71]. Согласно другой версии **рьсь* связано с цветом и развилось из **rys(t)gь*. По третьей версии, это слово соотносимо с древнеиндийским *reśus* 'скот' и латинским *reśus* 'скот, домашнее животное' [5, с. 337]. Два последних предположения Н. М. Шанский считает менее убедительными [6, с. 335].

Исходя из версии, интерпретирующей слово *reśus* как «скот, домашнее животное», возможно констатировать, что в современном итальянском языке значение этого корня трансформировалось в *resoga* (овечка), от латинского *resus* «скот», которому родственно также древневерхнемецкое *fihu*, немецкое *Vieh*, произошедшие, возможно, от корня **ras-* (-объединять) [9, с. 737].

Таким образом, отталкиваясь от слова акула, следуя пути движения корней, возможно констатировать существование первокорня **rōi-*, транслирующим смысл 'пить'. В процессе развития его значения трансформировались в «рыба» *resce* в итальянском языке, а также пир, пиво в русском [5, с. 343]. Связь рыбы с действием пить, очевидно, произошла на основании представлений о том, что рыба живёт в воде. Первокорень **kwen-* сохранил единство смысла и значения «собака» с небольшим расхождением значений в со-

временном английском, где производное *hound* обозначает не всякую, а именно охотничью большую собаку (отметим, что именно это слово фигурирует в названии романа А. Конан Дойля 'Собака Баскервилей'). Первокорень **kwen-* транслирует смысл 'собака'. Значения трансформировались, сохраняя связь с этим животным. Большой трансформации значений не произошло, поскольку слово называет животное, близкое человеку во все времена и практически во всех странах.

Корень **рас-* транслирует смысл 'объединять' (в том числе животных в стадо), значения которого трансформировались в латыни *reŕcus* 'скот, домашнее животное', в итальянском – *reŕoga* (овечка), в русском, возможно, именно этот первокорень дал значение, породившее слово 'пёс'. Последняя версия кажется сомнительной, однако она может служить примером трансформации значений, которая происходит с первокорнем в разных языках. Сложно судить о первичности сем 'объединять в стадо' и 'охранять', логичен ход мысли 'охранять что' – 'объединённых в стадо животных', однако логика древних носителей языка отлична от современных. Это отличие следует учитывать при интерпретации смыслов как действия, признака и т. п., в суждениях о первичности и вторичности имени, глагола, признака, поскольку у древних не было частичечной классификации, и они могли осознавать те или иные смыслы без абстрагирования, но с привязкой к конкретному объекту номинации. Очевидно, в толковании семантических процессов, приближающихся к первичной номинации (следует говорить именно о приближении, поскольку прямое соответствие не может быть констатировано с абсолютной точностью), следует использовать более общее сочетание 'объект номинации', а не 'предмет или явление', 'действие', поскольку то, что представляется действием нам, могло быть именем действия в сознании древних носителей языка. В подтверждение мысли о несоответствии частичечного мировосприятия носителями разных языков, возможно, в частности, привести пример из грамматики арабского литературного языка, в котором классифицируется 'имя действия', называемое арабскими грамматистами термином 'масдар', что в переводе обозначает 'источник'. Данный факт позволяет предположить, что в арабском языке источником значений (но не моделей) других частей речи является наименование действия (например, учение, писание, чтение).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь иностранных слов / А.Н. Булыко. – М., 2008. – 704 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.- (Библиотека словарей).
3. Трубочёв О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 664 с. (*Opera etimologica*. Звук и смысл).
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, – М.: «Астрель-АСТ», т. III (М-С), 2003, с. – 831.
5. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: «Радянська школа», 1970. – 597 с.
6. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Пролетариат», 1975. – 543 с.

7. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
8. Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991. – p. 1791
9. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.

УДК 81'253

*Литвин О.Є.
(Київ, Україна)*

INFORMATION IN EMOTIVE AND EMOTIONAL ENGLISH DISCOURSE

Стаття присвячена розгляду обмеженої та необмеженої інформації в емотивному та емоційному англомовному дискурсі, основним джерелам для отримання необхідної інформації через прямі та непрямі відкриті запитання, закриті, підготовлені та буферні питання.

Ключові слова: *інформація, емотивний, емоційний, дискурс, питання.*

Статья посвящена рассмотрению ограниченной и неограниченной информации в эмотивном и эмоциональном англоязычном дискурсе, основным источникам получения необходимой информации посредством прямых и непрямых открытых вопросов, закрытые, подготовленных и буферных вопросов.

Ключевые слова: *информация, эмотивный, эмоциональный, дискурс, вопросы.*

The article deals with the limited and unlimited information in emotive and emotional English discourse, the main sources for getting necessary information through direct and indirect open questions, closed, prepared and buffer questions.

Key words: *information, emotive, emotional, discourse, questions.*

A verbal world of emotions is one of the aspects of a speaker. It is represented by a sophisticated inlay of speakers' psychological interrelation and information. Means of the emotive semantics represent us all the national, psychological, social and cultural sides of a speaker. Thus, we may talk about an emotional aura and emotional perception of the person's being. It is explicated through the combination of emotive signs of the language or speech and their situational derivation.

The fundamental scientific contribution into investigation of general theoretical aspects of emotive and emotional communication is made by the prominent foreign scholars and linguists, such as: A. Wierzbicka, J. Barbalet, R. Posner, Ch. Plantin, O. Furmanek, K. Bennetti, F. Ungerer; by the following Ukrainian linguists as: I. Mats, G. Kuzenko, I. Brenik,